

DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.10>

Book review: Gushchina, I. I. Necropolis of the Roman time Belbek IV in the South-Eastern Crimea [Text] : in 2 parts / I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev. – Moscow : Istoricheskiy muzey Publ., 2016. – Part 1. – 272 p., il. ; Part 2. – 320 p., il.

Igor N. Khrapunov

Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Anastasiya A. Stoyanova

Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Рец. на кн.: Гущина, И. И. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму [Текст] : в 2 ч. / И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. – М. : Исторический музей, 2016. – Ч. 1. – 272 с., ил. ; Ч. 2. – 320 с., ил.

Игорь Николаевич Храпунов

Крымский федеральный университет, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Анастасия Анзоровна Стоянова

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

На протяжении многих лет на территории предгорного Крыма исследуются варварские памятники римского времени, в том числе грунтовые могильники. Некоторые из них связаны с поселениями, например, Усть-Альминский, Неапольский, Заветнинский (Альма-Кермен). Они представляют позднекифскую культуру. Другие, такие как Нейзац, Курское, Скалистое II, III, Танковое, Бельбек I–III, идентифицируются в научной литературе с сарматами, ведущими полукочевой образ жизни. По крайней мере, в их округе поселения пока что не выявлены, несмотря на интенсивно ведущиеся разведки [Храпунов, 2016, с. 122, 123]. Ни один из этих памятников не раскопан полностью, многие из них на значительных площадях уничтожены грабителями или земляными работами, а то, что изучено археологами, опубликовано лишь в незначительной степени. Поэтому многие вопросы об образе

жизни населения, его материальной культуре и экономических связях, социальной структуре, межэтнических отношениях и взаимокультурных влияниях пока остаются слабоизученными. В этой ситуации работы, максимально полно освещающие результаты полевых исследований, особенно востребованы специалистами. Поэтому нельзя оставить без внимания вышедшую в свет в 2016 г. монографию И.И. Гущиной и Д.В. Журавлева, посвященную исследованиям могильника Бельбек IV, расположенного в Юго-Западном Крыму, близ впадения реки Бельбек в Черное море, на окраине с. Любимовка.

Памятник, открытый в 1901 г., исследовался экспедицией Государственного исторического музея под руководством И.И. Гущиной с 1969 по 1991 год. За это время на площади около 2 000 м² открыто 331 погребальное сооружение. В 1991 г., в связи с распа-

дом СССР, раскопки были прекращены, хотя могильник остался изученным не до конца. Эта ситуация самым негативным образом сказалась на состоянии памятника: в 90-х гг. прошлого века его неисследованная часть была практически полностью уничтожена грабителями и строительными работами. В 2004 г. Д.В. Журавлев и К.Б. Фирсов провели небольшие спасательные раскопки на площади 150 м², открыв 5 погребальных сооружений и определив восточную границу могильника.

До выхода в свет рецензируемой монографии часть материалов раскопок была введена в научный оборот (библиография представлена во введении к рецензируемому изданию на с. 5). Благодаря этим работам стало понятно, что могильник Бельбек IV является одним из ключевых памятников для изучения материальной культуры населения крымских предгорий римского времени и реконструкции происходивших в регионе исторических процессов. Ни одна публикация по этой теме не обходится без привлечения материалов Бельбекского некрополя. Обширные культурные и экономические связи оставившего могильник населения, проявившиеся в погребальных сооружениях, обрядах, и особенно многочисленном и разнообразном инвентаре, выводят значение памятника далеко за пределы Крыма. Огромная коллекция краснолаковой посуды стала предметом специального исследования Д.В. Журавлева [Журавлев, 2010] и с тех пор используется всеми, кто имеет дело с изучением древностей римского времени. Неудивительно, что книгу о могильнике Бельбек IV ждали, тем более что ссылки на нее (со статусом «в печати») уже с 2000 г., когда был подготовлен первый вариант монографии, нередко появлялись в научной литературе. Но судьба рукописи оказалась непростой, как и судьба самого памятника. Период «печати» растянулся на 16 лет. В 2008 г. ушла из жизни Ирина Ивановна Гущина. В 2010 г. рукопись монографии была доработана Д.В. Журавлевым, в 2011 г. передана в издательство, но свет книга увидела лишь пять лет спустя. Столь долгая подготовка сказалась, в частности, в том, что публикации, вышедшие по рассматриваемой теме после 2011 г., не могли быть использованы.

Монография состоит из введения, двух глав, заключения, семи приложений, списков литературы и сокращений, резюме на немецком языке и иллюстраций. В основной части книги публикуются материалы раскопок 1969–1991 гг., результаты исследований 2004 г. вынесены в одно из приложений. Во введении Д.В. Журавлев кратко знакомит читателя с историей исследования памятника и судьбой рукописи. В двух главах анализируются погребальный обряд и инвентарь могильника. Анализ отдельных категорий инвентаря – монет, гемм, бус – вынесен в приложения. В виде приложений, подготовленных С.А. Яценко, дается характеристика костюма погребенных в могильнике Бельбек IV и обзор знаков-тамг из некрополя. Таблицы иллюстраций занимают всю вторую часть.

Монография носит публикационный характер, основная ее цель – введение в научный оборот результатов раскопок могильника Бельбек IV. Таким образом, она представляет собой главный итог почти полувековых исследований одного из опорных памятников Крыма римского времени. Стоит отметить превосходное полиграфическое исполнение издания и качество иллюстраций, профессионально сделанные рисунки находок и их фотографии.

В первой главе монографии характеризуются погребальные сооружения, обряд и планиграфия могильника Бельбек IV. Авторы отмечают сравнительное однообразие погребального обряда. Погребальные конструкции представлены в основном грунтовыми ямами и подбойными могилами, а также немногочисленными грунтовыми могилами с запечками и плитовыми могилами. На некрополе открыто одно конское захоронение. Типы погребальных конструкций выделены в соответствии с типологией Н.А. Богдановой, разработанной по материалам могильника Заветное в Юго-Западном Крыму. В погребальном обряде зафиксированы элементы, свойственные и другим синхронным могильникам предгорного Крыма: умерших хоронили вытянуто на спине, в редких случаях – скорченно на боку, с преобладающей южной ориентировкой. Неоднократно в могилах отмечены следы воздействия огня, использования красной краски, остатки деревянных колод, присут-

ствии заупокойной пищи. Интересную закономерность авторы выявили в расположении краснолаковых сосудов: если в комплексах I–II вв. они стояли преимущественно в головах погребенных, то в погребениях конца II – III столетий сосуды размещались в ногах умерших. Исследователи связывают эту ситуацию с двумя волнами сармат, влившимися в регион в I и II вв. н.э. На наш взгляд, такое объяснение требует дополнительных аргументов.

Во второй главе анализируется погребальный инвентарь, среди которого значительное место занимает керамика – амфоры, краснолаковая посуда и лепные сосуды. Количество лепных и краснолаковых сосудов авторы не указали, отметив лишь, что жители Бельбекской долины использовали лепную посуду меньше, чем в целом население Юго-Западного Крыма (то есть лепная керамика из Бельбекского могильника составляла менее 15 % всех сосудов – именно такое соотношение для этого региона приводит О.Д. Дашевская). Зато бельбекская коллекция краснолаковой керамики «является одной из наиболее представительных и разнообразных не только в Юго-Западном Крыму, но и во всем Северном Причерноморье» (ч. 1, с. 21), что, вероятно, объясняется близостью к Херсонесу и активными связями с греческим полисом. Подробное исследование краснолаковой посуды из могильника Бельбек IV, как уже говорилось, проведено одним из авторов монографии, к нему и отсылается читатель. Однако в рецензируемом издании «краткий обзор» этой категории инвентаря включает в себя подробную характеристику всех обнаруженных в могильнике форм.

Достаточно подробно проанализированы и другие категории погребального инвентаря: многочисленные стеклянные сосуды, которых в Бельбекском могильнике обнаружено значительно больше, чем в подобных ему памятниках, предметы вооружения, конское снаряжение, детали одежды и украшения, туалетные принадлежности, амулеты, подвески и орудия труда. Авторами привлекается широкий круг аналогий бельбекским находкам и приводится обоснование хронологических рамок их бытования. Вещевой комплекс охарактеризован полно. В целом, его анализ соответствует представлениям, сложившимся к

настоящему времени в научной литературе. Вторая глава монографии станет незаменимым подспорьем для очень многих археологов, так как аналогии вещам из могильника Бельбек IV обнаруживаются едва ли не во всей античной Ойкумене.

Некоторые группы артефактов рассмотрены в приложениях, авторами которых выступили специалисты по различным категориям находок. В Приложение 2 включены определения обнаруженных в могильнике монет (их всего шесть), сделанные Н.А. Фроловой. В Приложении 3 О.Я. Неверов подробно проанализировал геммы и металлические перстни-печати, приведя их подробное описание, круг аналогий, семантику изображений. Автор предположил, что владельцами этих украшений были люди, так или иначе связанные с римскими войсками, гарнизон которых мог располагаться недалеко от могильника, на месте современного военного городка аэродрома «Бельбек» (ч. 1, с. 200). Эту же мысль высказывают И.И. Гущина и Д.В. Журавлев, объясняя богатство некоторых бельбекских комплексов импортными предметами (ч. 1, с. 118). В Приложении 4 Е.К. Столярова предприняла обзор коллекции бус из могильника. С.А. Яценко кратко охарактеризовал элементы костюма (Приложение 5) и знаки-тамги, изображенные преимущественно на бронзовых зеркалах (Приложение 6).

В целом проведенное авторами монографии исследование позволяет с уверенностью говорить о том, что материальная культура населения, оставившего могильник Бельбек IV, соответствует культуре, представленной в материалах других памятников крымских предгорий – некрополя Неаполя скифского и рядовых усть-альминских погребений, могильников Заветное, Скалистое II и III, Левадки, раннего горизонта Нейзацкого некрополя, погребений I – 1-й половины III в. н.э. могильника Опушки и др., хотя имеет и свои локальные особенности. Наиболее ярко они выражаются в большом количестве импортов, особенно краснолаковой и стеклянной посуды.

Вряд ли найдется книга, лишенная недостатков. В монографии И.И. Гущиной и Д.В. Журавлева они тоже имеются, и на некоторые из них мы обратим внимание читателей.

Самым существенным из них является, на наш взгляд, то, что материал рассматривается не по комплексам. Погребальные сооружения, обряд и инвентарь описаны раздельно. В некоторой степени этот недостаток компенсирован наличием описаний погребений в Приложении 1. Однако эти описания чрезвычайно кратки. Планы погребальных сооружений и костяков даны в очень мелком масштабе, с одним поперечным разрезом; они не позволяют судить о конструктивных особенностях могил, деталях погребального обряда и расположении погребального инвентаря. Чертежи некоторых погребений отсутствуют вовсе: не зафиксированы графически не только конструкции могил, разрушенных грабителями или земляными работами, но и сохранивших свой облик, хоть и ограбленных, например единственной «грунтовой могилы, пробитой в материковой скале» со следами деревянного перекрытия (погребение 315) (ч. 1, с. 9). В описаниях погребений перечислен найденный в могиле погребальный инвентарь, но без ссылки на конкретный рисунок (дается лишь ссылка в целом на таблицу или диапазон номеров в таблице). Типы вещей при описании могил не определены, что делает приводимую тут же дату комплекса неаргументированной.

Важную информацию о любом памятнике, его планиграфии и степени изученности дает план. Общий план могильника Бельбек IV в монографии отсутствует. На таблицах 2 и 3 представлены планы раскопов 1969–1991 гг. с исследованными погребальными сооружениями, их хронологической характеристикой и анализом ориентировки погребенных, но планом могильника данные иллюстрации назвать нельзя. Отсутствует топографическая основа, не отмечены границы могильника (и выявлены ли они?), не понятно, что представляют собой пустые пространства между раскопами. Во введении сообщается, что конфигурация раскопов определялась тем, что часть могильника «испорчена земляными сооружениями времен Великой Отечественной войны, гаражами, постройками военной части», а также многочисленными грабительскими раскопками (ч. 1, с. 5), но ни одно из этих сооружений не нанесено на план. Отсутствуют на нем и грабительские шурфы. Не понятно, в какой части могиль-

ника проводились раскопки в 2004 году. На таблице 250 изображен план раскопа с погребением 331, изученным И.И. Гущиной в 1991 г., однако на плане раскопов 1969–1991 гг. погребение 331 отсутствует, поэтому о соотношении раскопа 2004 г. с раскопами предыдущих сезонов можно лишь догадываться.

Публикация результатов раскопок могильника не по комплексам, отсутствие плана некрополя, мелкомасштабные схемы вместо полноценных планов могил – это серьезные недостатки. Вероятно, они объясняются сложной историей раскопок памятника. Об этом позволяет догадываться, в частности, то обстоятельство, что результаты раскопок нескольких могил, изученных в 2004 г., опубликованы в Приложении 7 по всем правилам. Читатель вправе рассчитывать на объяснение в тексте монографии, но его нет.

Даты комплексов приведены в Приложении 1, причем некоторые из них достаточно узкие, в пределах четверти века. Однако их обоснование отсутствует. Не исключено, что богатый и разнообразный погребальный инвентарь дает возможность вывести столь узкий хронологический диапазон формирования комплекса: подавляющее большинство могил сопровождаются краснолаковыми сосудами, причем число этих сосудов в одной могиле может достигать пяти экземпляров; керамика часто сочетается в погребениях с фибулами, стеклянными сосудами, реже – амфорами, в единичных случаях – с монетами, бронзовой посудой или другими импортами, выступающими надежными хроноиндикаторами. Важно для датировок, что в могилах совершали преимущественно индивидуальные захоронения. Тем не менее в тексте даты комплексов не обоснованы.

В Приложении 4 Е.К. Столяровой проанализированы найденные в могильнике бусы. Этот раздел книги представляет собой сокращенный вариант статьи, опубликованной в 2001 г. [Столярова, 2001]. Автор отмечает, что бусы являются самым массовым материалом могильника. Такая картина типична для всех подобных памятников предгорного Крыма римского времени – количество бус в погребениях нередко составляет не одну сотню экземпляров, а общее число экземпляров в коллекции некоторых могильников насчиты-

вают десятки тысяч. Вероятно, многочисленность и разнообразие бус становятся для исследователей непреодолимыми препятствиями при введении этой категории находок в научный оборот, поэтому зачастую характеристика бус ограничивается в лучшем случае определением типов пронизей в соответствии с классификацией Е.М. Алексеевой, в худшем отмечается факт их присутствия в погребениях и общее количество. Такой подход огорчает, поскольку не дает возможности полноценно использовать эту категорию погребального инвентаря в хронологических построениях, исследованиях костюма и экономических связей. Эта ремарка в наименьшей степени касается рецензируемой работы, однако и здесь, к сожалению, полная информация о бусах не представлена. Ни в основном тексте (глава 2), ни в приложении 4, ни в специальной статье Е.К. Столяровой [2001] не указано общее количество обнаруженных в могильнике бус, они не охарактеризованы по типам, не понятно распределение типов бус в могилах, количество бус в конкретном погребении. Е.К. Столярова анализирует бусы по материалу, сделав акцент на изделиях из стекла, рассматривает подробно количественное соотношение бусин из различных материалов, форму, декор, технологию изготовления, происхождение бус и, очень кратко, некоторые особенности составления индивидуальных наборов. Исследовались не все бусы из Бельбекского могильника, а только выборка в 7 169 экземпляров из 96 погребений, что «составляет примерно половину комплексов, содержащих бусы» (ч. 1, с. 201). Не понятно, по какому критерию отбирались эти комплексы и почему остальные погребения остались за пределами внимания автора. Вероятно, можно согласиться с мнением Е.К. Столяровой, основанным на заключении Ю.Л. Щаповой о том, что «в археологических исследованиях для выводов и гипотез оказывается достаточной та степень точности, которую представляет выборка в 100 наблюдений» (ч. 1, с. 201). Вопрос в том, насколько обоснованными окажутся эти выводы и гипотезы. Ведь, если следовать этому принципу буквально, вместо 336 погребальных сооружений могильника достаточно было опубликовать только 100. На наш

взгляд, чем больше массив исследуемых данных, тем лучше. Обзор Е.К. Столяровой, конечно, дает читателю общее представление о коллекции бус из Бельбекского могильника, но отсутствие полного описания типов украшений с их привязкой к конкретным комплексам лишает будущих исследователей возможности полноценного использования этой категории археологического материала.

Отмеченный недостаток в качестве публикации коллекции бус в полной мере отразился в написанном С.А. Яценко Приложении 5, амбициозно названном «Костюм погребенных в могильнике Бельбек IV». Это краткое исследование не дает полного представления о костюме жителей Бельбекской долины, скорее, обращает наше внимание на некоторые особенности расположения фибул и бус в женских погребениях. Причем бусы выступают исключительно как гипотетические маркеры длины и ширины рукавов и подолов платьев; состав наборов бус, их количественная характеристика, цветовое сочетание бусинных наборов, зафиксированных в разных частях костяка, не представлены. По данным С.А. Яценко, бусы в костюме похороненных в Бельбекском могильнике женщин использовали только для обшивки разных частей платья, иногда из них составляли браслеты. Об ожерельях не сказано ни слова, возможно, их и не было, но об этом читатель может только догадываться. Обращает на себя внимание детальное описание расположения фибул (выделено 8 вариантов) и бус на костяке, что, безусловно, можно только приветствовать, но не совсем понятен источник этих описаний. Как уже отмечалось, приведенные в издании планы погребений даны в слишком мелком масштабе, рассмотреть на них фибулу практически невозможно, не говоря уже о том, лежит ли она «дужкой к черепу» или «приемником к левому плечу» (ч. 1, с. 214). Не сказано об этих нюансах и в текстовом описании могил – в большинстве случаев просто указано, что фибула лежит на груди. Можно допустить, что исследователь пользовался полевыми чертежами, на которых эти детали могли быть зафиксированы. Но тогда тем более непонятно, что помешало авторам монографии дать планы погребений в нормальном для восприятия масштабе с перечнем всех обнаруженных в

могиле находок. Если же качество полевых чертежей не отличается от приведенных в публикации, вызывает сомнение корректность сделанных С.А. Яценко наблюдений.

В заключении рассматривается место могильника Бельбек IV среди подобных ему памятников предгорного Крыма первых веков н.э. Хронологические рамки существования могильника фиксируются в пределах середины/третьей четверти I в. – середины III в. н.э., отмечается возможность прекращения использования некрополя в «середине второй четверти» III в. н.э. Больше всего захоронений совершалось в последней четверти I – первой четверти II в. н.э. (ч. 1, с. 116).

По всей видимости, могильник принадлежал рядовому населению, хотя выделяется немногочисленная группа «по-настоящему богатых погребений» (ч. 1, с. 116), что объясняется не столько социальной дифференциацией оставившего могильник населения, сколько хронологическими причинами. Правда, исследователи не называют критериев богатства тех или иных комплексов, отмечая лишь, что «инвентарь могил второй половины I – начала II в. н.э. значительно богаче погребений II в. н.э.» (ч. 1, с. 116). Решение вопроса об этнической принадлежности людей, оставивших могильник Бельбек IV, И.И. Гущина и Д.В. Журавлев выводят за рамки задач публикации, но отмечают, что «могильник был оставлен жителями крупного позднескифского населенного пункта, вероятно, со смешанным скифо-сарматским населением» (ч. 1, с. 119). Где располагался этот населенный пункт – неизвестно, поселений в округе Бельбекского могильника пока не выявлено. По мнению исследователей, поселение могло находиться недалеко от некрополя, на месте современного военного городка аэродрома «Бельбек». Не исключают авторы, что в этом же месте мог располагаться римский военный гарнизон, связь с которым обеспечивала местных жителей многочисленными импортными товарами. Однако эти предположения носят исключительно умозрительный характер, поскольку никаких следов, указывающих на наличие поселения на месте военного городка, нет.

Нет на территории Бельбекского могильника и склепов, подобных известным в Неапольском, Усть-Альминском и других некрополях, представляющих собой типичные для позднескифской культуры погребальные сооружения. Авторы не исключают, что такие склепы располагались в наиболее ранней, центральной части могильника и были уничтожены грабителями и земляными работами. Если это так, то не совсем понятно, почему в 70–80-е гг. прошлого столетия «современные «счастливчики»» предположительно могли раскопать несколько таких склепов (с. 11), а работавшие в это же время археологи их не выявили и не доследовали разрушенные грабителями погребальные сооружения. Столь же трудно представить, чтобы такие склепы концентрировались только на одном центральном участке некрополя, не вклиниваясь в участки синхронных им погребений в грунтовых или подбойных могилах. По крайней мере, ни в Усть-Альминском, ни в Неапольском некрополях склепы не составляют компактно расположенных групп погребальных сооружений, а рассредоточены среди могил иных конструкций. В то же время могильники, синхронные Бельбекскому, на территории которых склепы не выявлены, известны в Юго-Западном Крыму (Заветное, Бельбек I–III, Скалистое II, III, Танковое). Вероятно, такая ситуация все же обусловлена культурной принадлежностью или этническими особенностями населения, оставившего некрополь Бельбек IV.

Значение вышедшей в свет монографии И.И. Гущиной и Д.В. Журавлева трудно переоценить. В научный оборот введены результаты многолетних полевых исследований памятника, без материалов которого, благодаря их многочисленности и разнообразию, не сможет обойтись ни один специалист, занимающийся археологией Восточной Европы римского времени. Наши критические замечания – это не упрек авторам, а попытка оказать помощь тем, кто только собирается познакомиться читателей со своими раскопками замечательных крымских могильников римского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлев Д. В., 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь : Изд-во БФ «Деметра». 320 с.
- Столярова Е. К., 2001. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. М. : ГИМ. С. 194–222.
- Храпунов И. Н., 2016. Население горного Крыма в позднеримское время // Вестник древней истории. № 1 (76). С. 118–134.

REFERENCES

- Zhuravlev D.V., 2010. Red-gloss ceramics in the Southwest Crimea in the 1st – 3rd Centuries AD. *Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*. Supplementum 9. Simferopol, Izd-vo BF “Demetra”. 320 p. (in Russian).
- Stolyarova E.K., 2001. Beads from the Belbek IV burial mound. *Late Scythians of Crimea*. Moscow, GIM Publ., pp. 194-222. (in Russian).
- Khrapunov I.N., 2016. Population of the Crimean mountains area in the Late Roman period. *Journal of Ancient History*, vol. 76, no. 1, pp. 118-134.

Information about Authors

Igor N. Khrapunov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Ancient and Medieval History, Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, igorkhrapunov@mail.ru.

Anastasiya A. Stoyanova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Antique Archaeology, Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, ancient2008@mail.ru.

Информация об авторах

Игорь Николаевич Храпунов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Крымский федеральный университет, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, igorkhrapunov@mail.ru.

Анастасия Анзоровна Стоянова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела античной археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, ancient2008@mail.ru.